

Михаил Пришвин

Школьная Робинзоада

Кто такой Робинзон?

Что за произведение «Робинзонада»?

Робинзонада — поджанр приключенческой литературы, который вслед за романом Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719) живописует перипетии выживания одного или нескольких людей на необитаемом острове

Пришвин Михаил Михайлович родился 23.01(4.02).1873 в селе Хрущеве Елецкого уезда Орловской губернии. Писатель, этнограф, педагог, музейный деятель.

В 1920 г. уехал на родину жены в Дорогобужский уезд Смоленской губернии, где в селе Алексино начал преподавать словесность в школе 2-й ступени (формально он был туда «командирован от Наркомпроса для изучения памятников искусств, старины и природы»). 14 сентября 1920 г. принят в члены Дорогобужской уездной комиссии по делам музеев и охране памятников, ходатайствовавшей о назначении Пришвина заведующим (хранителем) создаваемым в Алексине музеем усадебного быта. С 5 марта 1921 г. Пришвин возглавлял указанный музей, оставив должность заведующего 29 ноября того же года «вследствие необходимости <...> переехать в другую часть уезда». Впечатления от пребывания на Смоленщине получили отражение в повести «Мирская чаша» (1922 г.), рассказе «Школьная робинзонада» (1924 г.) и некоторых других литературных произведениях Пришвина.

Бывшая усадьба Барышниковых

«Алексино — громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы идешь почти час, и всё почти берегом искусственного озера, окружённого сплошной кущей вековых деревьев. На озере есть островок, и там на деревьях живут аисты, а в домике на озере лебеди и павлины ходят по берегу... Барский особняк выходит одной стороной на озеро, другой в парк — большое трехэтажное здание с колоннами». Он восхищён и огорчён одновременно. Волей судьбы они всей семьёй поселились в разорённой, холодной усадьбе. И теперь одной из его жизненно важных задач стало спасение этого культурного сокровища. (М. Пришвин)

Бытие было непростым.

Это была борьба с обстоятельствами за выживание, борьба за души детей, переживавших перелом эпох, борьба за спасение духовных и материальных ценностей.

Раз осенью в холодный моросливый день меня встретил один крестьянин — его звали Ефим Иванович Барановский — и ужаснулся, что я иду на босу ногу в дырявых резиновых калошах; сам он ехал в город на базар с возом. Поздно ночью — слышу я, кто-то стучится ко мне в музей, открываю и вижу: весь серый от дождя с новыми сапогами в руках стоит Ефим Иванович и говорит мне, передавая подарок, парадными своими словами: — Категорически вам сочувствую, потому что взять вам нечего.

Да, я знаю, как доставались ему эти пуды ржи, отданные им за сапоги, и что значил этот подарок! Но мало того, передав мне сапоги, он еще сказал:

— Вы не думайте, что помрете с голоду, этого я не допущу, вы только учите, а душку вашу я подкормлю.

Это было только в самом начале моего шкрабства, и заслуг у меня еще не было; это был результат личных заслуг, конечно, Елены Сергеевны, это она сумела дать какой-то свой тон школе. Вот это что-то, вызванное из недр народа бескорыстной деятельностью курсистки, отличало нашу никому не ведомую и заброшенную школу.

...добывали всей школой в лесу дрова, как приходилось на третий этаж таскать **вязанки дров** и отапливать музей усадебного быта, как ночью, бывало, и приворуешь дров в соседнем враждебном учреждении. А то, бывало, придет какая-нибудь бумага из города, и, намотав **онучи** получше, чтобы ноге в лапте было помягче, отмахнешь в день туда восемнадцать да назад столько же верст.

...какие же страшные были осенние темные ноябрьские ночи на постели в холодном чужом алексинском дворце. Я ненавижу крыс, а они там были, скреблись, подбирались к самой кровати, наглели, потому что, умные, понимали, как трудно решиться высунуться на холод из-под одеяла. Это было не просто, как теперь — чиркнул спичкой или повернул кнопку. У меня был обломок напильника и большой кусок яшмы, найденный во дворце, трут я делал из древесных грибов.

Кремень, кресало, трут

Днем на свету я отлично научился высекать огонь, и едва ли кто мог в этом меня превзойти. Но в темноте сколько раз, бывало, попадешь по косточке сустава левого большого пальца, пока затлеется трут. А проклятые крысы этого стука то по косточке, то по яшме ничуть не боятся, скребутся, лезут и лезут. И холод пробирает, потому больше и не попадаешь по яшме. А когда высечешь, наконец, то скорей к столу, к тарелочке с углями и раздувать их, раздувать, пока угар явственно шибанет в голову.

Так я жил, и вот однажды к нашему дому подъехал воз, его окружили женщины, и я скоро узнал, что это был первый «красный купец» с иголками, ситцами и всякой всячиной. Я бросился к нему и купил бензин и зажигалку — какое это было счастье, и рассказать невозможно, это было, как Робинзону первый показавшийся вдали дымок парохода. Скоро от друзей я получил письмо с просьбой прислать что-нибудь для журнала. Я написал для пробы маленький очерк и через месяц получил гонорар, из которого вышло чуть ли не пять пудов муки; у меня просто дух захватило от такого огромного вознаграждения! И надо бы так продолжать, писать и улучшать условия своего учительского труда.

Но разве можно летающую тварь, согретую весенним лучом, остановить? Прилив жизни поднял меня и унес с Робинзонова острова.

Ответьте на вопросы:

1. Кем работал М.Пришвин в Алексине?
2. Робинзонов остров –что это?
3. Почему было трудно?

При создании презентации использовались материалы сайтов:

1. <http://prishvin.lit-info.ru/review/prishvin/010/957.htm>
2. http://www.nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?option=com_content&task=view&id=2990&Itemid=61
3. <http://www.proza.ru/2012/07/12/1086>
4. <http://foto-planeta.com/np/126812/aleksino.html>
5. http://libr-34.ucoz.ru/_Id/0/53_Prishvin.pdf